

ПРЕДСТАВЛЯЕМ делегатов

А ПЛОДИСМЕНТЫ, как разом вспорхнувшие голуби, наполнили зал торжественным признанием. Дильбар думала, что ее радостную растерянность скрывает опущенный занавес, но он был поднят, и она предстала перед зрителями с трепетным волнением на лице. Она еще жила тревогами и надеждами своей героини Мавджуды, еще шла ее нелегкой дорогой. И даже сняв грим и увидев в зеркале свое лицо, она остается Мавджудой, которая по пьесе А. Сидки «Воля женщины» старше ее в два раза.

У тебя удивительная сила переплощения, моя девочка, — сказала однажды Дильбар профессор Московского государственного института театрального искусства Ольга Ивановна Пыжова. — Это прекрасное самосожжение, оно уносит много душевных сил, но дарит ни с чем не сравнимое чувство творческой высоты.

...Как давно это было — Москва. ГИТИС. Студенческая сцена. Московский асфальт в день ее приезда весело пузырился теплым дождем. Разноцветные плащи, зонтики москвичей, улыбающаяся приветливость их вошли в сердце Дильбар какой-то необъяснимой радостью, которая оказалась не мимолетной, а спутницей всех лет учебы. Семнадцатилетняя девочка из Шаартуза, в которой нераскрытым жило чувство прекрасного, прикоснулась к таинству творчества, театру, к сцене. Все это не могло не родить смятение души, то высокое смятение, вслед за которым делается первый шаг постижения законов творчества.

Студенческая сцена — это всего лишь своего рода аудитория и можно было не выкладываться до конца, со-

храня для настоящей сцены все краски своего таланта. Дильбар не понимала этого деления на «сейчас» и «потом». Она взволнованно создавала отточенный образ, о котором долго после спектакля говорили на семинарах и педагоги, и студенты. Это были не случайные уда-

ЧЕКАН ЕЕ ДУШИ

чи, они складывались из глубины внутреннего мира Дильбар, из ночного шороха переворачиваемых страниц книг, от того огня верности музам, который Дильбар однажды и навсегда зажгла в себе.

Она бралась за все роли, которые ей предлагали, не боясь посмотреть своего амплуа, понимая, что разнохарактерность созданных ею образов обогатит ее творческую палитру. Одна роль сменяет другую: трагедийно-нежная Наташа из пушкинской «Русалки», безудержно веселая и обольстительная Смеральдина, Пелагея Егоровна из «Бедность не порок».

Как давно это было. Десять лет — разве это давно, Дильбар? — она медленно выплывает из реки воспоминаний, и я встречаюсь с ее глазами. Глаза у Дильбар по-взрослому мудрые и в то же время по-детски восторженные, кажется, что все, что видят они, впервые и февральское солнце за окном, и воробей, дробно стучащий по подоконнику своим крохотным клювом, и притаившиеся на зиму почки деревьев, которые, придет срок, как жерла маленьких пушек, начнут зеленый весенний салют.

— Десять лет — этого много. А сделано мало. Нет, нет,

я не бросаю тени на себя, на свой театр, который я очень люблю, но можно было достичь большего. Не в плане зрительного резонанса, признания — это, наверно, есть. Но ведь в искусстве тоже есть своя таблица Менделеева и хочется заполнить хоть одну свободную клеточку. Может быть, дерзко мечтать об этом. Но вот мечтается. Скажите, дерзко? — И вдруг совсем другие глаза — требующие ответа.

Ну и пусть дерзко, но это и есть то творческое самосожжение, о котором в свое время говорила Ольга Ивановна Пыжова. То самое самосожжение, но не самопожертвование, которое с первых шагов Дильбар Абдушукуровой на сцене Таджикского Академического театра драмы имени Лахути позволило говорить о ее самолюбии, добром и умном таланте.

Когда Дильбар задают вопрос об ее артистическом амплуа, она всегда застенчиво теряется, потому что еще не решила для себя: хорошо это или плохо, что до сих пор его, как такового, нет. Около трех десятков ролей сыграла Дильбар за десять лет работы в театре — и все с одинаковым талантом, точной психологической окраской, с тем чувством проникновения в образы, которое не предполагает другого решения. В самом деле, нет никаких точек сопряжения между характерами Анды из пьесы Райниса «Вей, ветерок» и Полины из инсценировки повести Бальзака «Мачеха», Бунафши из пьесы М. Ибрагимова «Деревенщина» и Нази из пьесы молодого драматурга М. Байджиева «Дуэль». Дильбар сумела для каждого из этих образов найти жизненно оправданные краски, те полу-

тона, которые особым светом освещают интимные движения души.

...— Вот и вы про амплуа. Раз все задают такой вопрос, значит, он правомочен, — Дильбар стоит спиной к окну и полуденная яркость солнца струится вдоль ее изящной фигуры. — Сейчас мы готовим спектакль по пьесе Миршакара «Знамя школы». Я играю мальчишку. Трудно было входить в роль. Засела за книги про

мальчишек, подсматриваю их жесты, нужно напрочь забыть о всех прошлых ролях, чтобы мой мальчишка получился настоящим.

— Перед каждой новой ролью — забыть все прошлые и помнить их — одновременно. Не повторять себя и оставаться верной себе — как невероятно трудно это, — я не говорю этого вслух, но Дильбар как бы угадывает ход моих мыслей.

— Трудно, но прекрасно, — она торопливо поглядывает на часы — скоро репетиция. — Я до сих пор не утратила чувства детского преклонения перед театром, как перед чудом, которому нет названия. И хотя одержана творческая победа, — недавно мне присвоено звание заслуженной артистки республики — ни в коем случае не чувствую себя мэтром, считаю ученицей своих коллег, больших мастеров наших и зарубежных театров.

Начатый разговор нам закончить не удалось: подошло время репетиции. И только поздно вечером мы продолжили нашу беседу. По телефону. Голос у Дильбар слегка усталый, и мне было неловко, что я разрешила себе этот звонок. Но хорошо, что разговор состоялся, иначе бы мне была неизвестна другая Дильбар — полпред искусства.

Ее тревожит проблема — искусство и жизнь. Дильбар считает, что искусство, родившись из жизни и активно вторгаясь в нее, еще не стало насущной потребностью каждого человека.

Дильбар уже сделала первый шаг, чтобы ее мысли по этому поводу не выглядели просто декларацией: второй год она на факультете искусств ведет курс мастерства актера. О своей лепте в решение проблемы — искусство и жизнь — Дильбар имеет четкое мнение: пусть тридцать моих учеников станут моими союзниками, потом и у них появятся приверженцы — цепная реакция преемственности может выстроить колонны полпредов искусства.

И еще одна Дильбар откровенно рассказала мне в том поздневечернем разговоре — Дильбар завтрашнего дня. И я поверила в осуществление ее мечты сыграть чеховскую Чайку, разобраться и постигнуть драматургию Ибсена и Бернарда Шоу, когда-нибудь сыграть Нору... И еще попробовать силы в театре одного актера.

— Получится у меня? — эта доверительность вопроса застала меня врасплох.

— Должно получиться, Дильбар, — я ответила слишком поспешно, и Дильбар показалось, что это просто учтивость.

— Нет, нет. Дильбар, не учтивость. Получится, да еще как получится!

Позже, вспоминая весь разговор с Дильбар, в моей памяти всплыли строчки одного поэта, которые, мне казалось, я навсегда забыла: «На всем — чекан ее души». Так это же про Дильбар! Конечно, про нее. Чекан ее души — и в малой, и в большой роли.

И еще один штрих — Дильбар Абдушукурова избрана делегатом XIX съезда комсомола республики.

Р. ЮЖНАЯ.

КОМСОМЛЕЦ ТАДЖИКИСТАНА
г. ДУШАНБЕ
20 ФЕВ 1970